

В. А. Томсинов

**Проблема престолонаследия
в России
во второй четверти XVIII века**

Опубликовано в сборнике статей:

**Современное российское право как право
переходного общества**

// Жидковские чтения. Материалы межвузовской научной конференции. Москва, 24 апреля 2008 г. М.: РУДН, 2009. С. 152-177.

Смерть монарха чревата потрясениями для монархических государств, в которых отсутствует прочный порядок престолонаследия. Такого порядка не было в России в момент кончины Петра I. По Уставу «О праве наследия престолом», высочайше утвержденному 5 февраля 1722 года, определение наследника российского императорского престола отдавалось на усмотрение «правительствующего государя» и должно было осуществляться по правилу: «кому оной хочет, тому и определит наследство». Однако Петр I умирал, не оставив завещания о передаче самодержавной власти. Вследствие этого судьба царской короны оказалась в руках сановников, входивших в его ближайшее окружение. В ночь на 28 января 1725 года, когда было уже очевидно, что смерть Петра I близка, они собрались в одной из комнат царского дворца, чтобы решить вопрос о том, кто станет новым российским самодержцем. Некоторые из сановников — П. М. Апраксин, Д. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и др. — были сторонниками возведения на трон внука Петра I великого князя Петра Алексеевича. Ему не исполнилось еще и десяти лет, поэтому названные лица предлагали поручить управление государством до его совершеннолетия супруге Петра I Екатерине и Сенату, утверждая, что только такое решение проблемы престолонаследия позволит избежать междоусобной войны. Другая группа сановников — А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, П. И. Ягужинский и др. — хотела видеть на императорском престоле Екатерину, которая и сама не прочь была стать самодержицей всероссийской¹.

---

¹ «Екатерина должна была действовать по инстинкту самосохранения и нашла себе помощников, находившихся в одинаковом с нею положении, — писал историк С. М. Соловьев. — В этом положении находился Меншиков, которого ничего не стоило погубить противной стороне вследствие обвинений, лежавших на нем, вследствие явной опалы от Петра: новому правительству можно было погубить Меншикова во имя старого, дать вид, что произносит приговор, который произнес бы и Петр, если б не был остановлен рукой смерти. В таком же положении находился Толстой, на которого смотрели как на главного виновника несчастий царевича Алексея и который, следовательно, не мог ожидать ничего доброго при воцарении сына его. Генерал-прокурор Ягужинский, обязанный своим высоким местом Петру, не любимый родовитою знатью, как выскочка и человек честолюбивый, стремившийся играть самостоятельную, первостепенную роль, не мог ждать для себя ничего хорошего при воцарении внука Петрова, т. е. при торжестве старой знати» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. С. 555–556).

Возражая вельможам, стремившимся возвести на престол Петра Алексеевича, граф П. А. Толстой говорил: «Это распоряжение именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая никакого внимания на регентство. При настоящих обстоятельствах Российская империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора, и который бы в то же время отличался милосердием для содействия народа счастливым и преданным правительству; все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага вообще и в частности, никогда не сделавши никому зла; притом права ее подтверждаются торжественною коронациею, присягою, данною ей всеми подданными по этому случаю и манифестом императора, возвещавшим о коронации»².

Сторонники возведения на императорский престол супруги Петра I оказались сильнее: они сумели заручиться поддержкой гвардейских офицеров, да и влиятельных персон среди них было больше. В результате перед самой кончиной Петра I было решено, что самодержавная власть достанется его супруге. Однако право Екатерины Алексеевны занять пьедестал верховной власти нуждалось в обосновании. Эту задачу призван был решить Манифест «О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I», изданный от имени Синода, Сената и генералитета. В нем признавалось, что наследником престола может стать, по правилу, провозглашенному Манифестом от 5 февраля 1722 года и подтвержденному присягой всех чинов государства Российского, только тот, «кто по воле Императорской будет избран»³.

---

² Цит. по: Там же. С. 557.

³ Законодательство Екатерины II и Петра II /Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 2.

Отсутствие документа, выразившего избрание Петром I своей супруги в качестве наследницы самодержавной власти, не смутило сторонников ее возведения на императорский престол. Выражением такого избрания было объявлено коронование и помазание Екатерины Алексеевны, совершенное 7 мая 1724 года на основании высочайшего Манифеста от 15 ноября 1723 года. Между тем из содержания Манифеста от 15 ноября 1723 года явствовало, что Петр I короновал Екатерину Алексеевну короной не императрицы-самодержицы *всероссийской*, а императрицы-супруги императора. «Понеже всем ведомо есть, что во всех Христианских Государствах непременно обычай есть Потентам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле право у славных Императоров Греческих сие многократно бывало»⁴, — говорилось в указанном акте и далее приводились конкретные примеры. В его тексте не было ни малейшего намека на то, что Екатерина Алексеевна стала в результате коронации наследницей российского императорского престола.

Правда, в воспоминаниях людей, наблюдавших это событие, можно найти факты, свидетельствующие о том, что император Петр I придавал коронации своей супруги значение акта, который предоставлял ей правомочие управлять государством. Так, в «Записках» гольштейнского министра и дипломата Геннинга-Фридриха Бассевича описывается следующий случай, произошедший за день до коронации: «Император имел обыкновение посещать значительных негоциантов и известных артистов и часто проводить с ними часа по два; так и накануне коронации он зашел с несколькими сопровождавшими его сенаторами к одному английскому купцу, где нашел многих знатных духовных особ, между прочим духовника своего, архиепископа Новгородского⁵, и ученого и красноречивого архиепископа Феофана Псковского⁶. Великий канцлер⁷ также пришел туда. Среди угощений хозяина разговор оживился, и император сказал обществу, что назначенная на следующий день церемония

---

⁴ Манифест о короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 7. № 4366. С. 161.

⁵ Феодосия Яновского.

⁶ Феофана Прокоповича.

⁷ Гавриил Иванович Головкин.

гораздо важнее, нежели думают; что он коронует Екатерину для того, чтоб дать ей право на управление государством; что спасши империю, едва не сделавшуюся добычей турок на берегах Прута⁸, она достойна царствовать в ней после его кончины; что она поддержит его учреждения и сделает монархию счастливою. Ясно было, что он говорил все это для того, чтоб видеть, какое впечатление произведут его слова. Но все присутствовавшие так держали себя, что он остался в убеждении, что никто не порицает его намерения»⁹. Среди историков записки Г.–Ф. Бассевича имеют репутацию не вполне достоверных. Но даже если Петр I действительно выражал накануне коронации своей супруги намерение сделать ее наследницей императорского престола, то это совсем не означает, что царь хотел видеть Екатерину Алексеевну в таком качестве спустя полгода после совершения этой церемонии, когда его величеству стало известно, что она в течение долгого времени изменяла ему с Виллимом Монсом.

Думается, если бы Петр I на самом деле желал видеть после себя на императорском престоле свою супругу, он обязательно выразил бы это желание в завещании, как того требовал Устав «О праве наследия престолом». Император придавал данному законодательному акту повышенное значение. Об этом свидетельствует уже одно его повеление всем российским подданным «утвердить» сей Устав перед Богом и Евангелием «на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или инако как толковат станет, тот за изменника почтен,

---

⁸ В данном случае имеется в виду спасение русской армии во главе с Петром I, окруженной в июле 1711 г. на берегу Прута пятикратно превосходившими ее по численности турецкими войсками, благодаря мирному договору, заключенному от имени царя с верховным визирем вице-канцлером П. П. Шафировым. Екатерина Алексеевна была в этом несчастном походе вместе с Петром I (в качестве уже не просто любовницы, но будущей жены) и якобы пожертвовала свои драгоценности на подкуп турецкого везира. См. об этом: Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 315–316.

⁹ Граф Геннинг-Фридрих Бассевич. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. Юность державы / Фридрих-Вильгельм Берхгольц, Геннинг-Фридрих Бассевич. М., 2000. С. 419–420.

смертной казни и церковной клятве подлежать будет»¹⁰. Отсутствие у Петра I завещания о престолонаследии означало в этих условиях только одно: **он не видел в своем окружении никого, кому мог бы передать самодержавную власть.**

Установленное Уставом от 5 февраля 1722 года правило наследия императорского престола, согласно которому «всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство», Петр I основывал не только на историческом опыте, но и на соответствующем принципе наследования недвижимого имущества, который выразил в Именном указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», принятом 18 марта 1714 года¹¹. «В таком же разсуждении в прошлом 1714 году, — заявлял он в статье 4 Устава о престолонаследии, — милосердя мы о наших подданных, чтоб и партикулярные их дома не приходили от недостойных наследников в разорение, хотя и учинили мы Устав, чтоб недвижимое имение отдават одному сыну, однакож, отдали то в волю родительскую, которому сыну похотят отдат, усмотря достойного, хотя и меньшому мимо болших, признавая удобного, которой бы не расточил наследства, Колми же паче должны мы имеет попечение о целости всего нашего государства, которое с помощью Божию ныне паче распространено, как всем видимо есть»¹². Согласно статье 2 Указа от 18 марта 1714 года, при отсутствии завещания недвижимое имение переходило в наследие старшему сыну. Если же сыновей не было, то наследницей становилась старшая дочь. Вдова же умершего хозяина недвижимого имущества при наличии детей не могла ни при каких обстоятельствах стать законной его наследницей¹³.

Из одиннадцати детей Петра I и Екатерины Алексеевны к январю 1725 года оставались живыми лишь две дочери — Анна и Елизавета. Но Анна Петровна при обручении в 1724 году с герцогом Гольштейнским отказалась вместе с женихом от права наследовать российский императорский престол. Толкование Устава 1722 года «О

¹⁰ О праве наследия престолом. Именной указ [февраля 5 дня 1722 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский. М., 1997. С. 62.

¹¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2789. С. 91–94.

¹² О праве наследия престолом. С. 62.

¹³ См.: 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2789. С. 92.

праве наследия престолом» с помощью Именного указа 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» влечет за собой вывод о том, что при отсутствии завещания Петра I о передаче императорского престола он должен был перейти по закону, если не к великому князю Петру Алексеевичу – сыну Алексея Петровича, родившегося от брака царя Петра с Евдокией Лопухиной, то к великой княгине Елизавете Петровне. Ее мать – Екатерина Алексеевна – законного права наследовать самодержавную власть в этом случае не приобретала.

О том, что Петр I не мыслил своей супруги в качестве самодержавной императрицы, свидетельствует и его нежелание готовить ее к самостоятельной государственной деятельности. Он не принял никаких мер даже для того, чтобы просто обучить ее грамоте. Между тем царь не мог не понимать, что передача самодержавной власти неопытной и не сведущей в государственных делах женщине фактически отдаст судьбу России в руки сановников, обуянных жадной личной наживы, – людей, для которых частный интерес важнее государственного.

В действительности именно это и произошло в результате восшествия Екатерины Алексеевны на императорский престол: Россией стала фактически управлять узкая группа сановников при ведущей роли казнокрада А. Д. Меншикова. Причем зависимость императрицы от этих лиц оказалась чрезвычайно сильной во многом еще и потому, что исключительно им она была обязана своим пребыванием на троне. Юридическое основание для этого было весьма шатким. Отсутствие завещания Петра I о передаче Екатерине Алексеевне самодержавной власти делало сомнительными всякие попытки представить ее восшествие на императорский престол осуществленным в полном соответствии с Уставом 1722 года «О праве наследия престолом». К тому же законность и самого этого документа вызывала в русском обществе сомнения. Восшествие на императорский престол женщины простого происхождения¹⁴ еще

---

¹⁴ О родителях Екатерины I никаких достоверных сведений не сохранилось. Но их принадлежность к низшему сословию, сомнений не вызывает, ибо в молодые годы будущая российская императрица являлась служанкой. Имя Екатерины Алексеевны она получила в 1706 году при крещении в православную веру. До этого звали ее Мартой, а по фамилии – Скавронской или Василевской.

больше усиливали такие сомнения. В Петербурге стали распространяться письма, порицающие петровский Устав о престолонаследии. Издание императрицей специального указа, запрещающего писать и распространять такие письма под страхом смертной казни, не исправило положения: письма продолжали появляться, причем близ церквей и домов самых высоких сановников. Тогда государыня решилась на весьма необычную меру: указом от 21 апреля 1726 года она повелела снова напечатать Устав «О праве наследия престолом», приложив к нему тексты присяги, приносившейся подданными, и трактата «Правда воли монаршей»¹⁵, который был написан в 1722 году Феофаном Прокоповичем с целью объяснения установленного этим Уставом нового порядка престолонаследия и тогда же опубликован. По высочайшему распоряжению священники должны были читать тексты упомянутых документов у приходских церквей и по монастырям в каждый воскресный день и в праздники.

* * *

Вступление на императорский престол великого князя Петра Алексеевича произошло без каких-либо потрясений. Первым законодательным актом нового государя стал Манифест от 7 мая 1727 года «О кончине Императрицы Екатерины I и о восшествии на престол Императора Петра II». В «Полном собрании законов Российской империи» он был напечатан вместе с текстами присяги «истинному Государю Петру Второму, Императору и Самодержцу Всероссийскому» и духовного завещания (тестамент) Екатерины I¹⁶. Восприятие императорского престола Петром II представлялось в Манифесте произошедшим на основании Устава «О праве наследия престолом», утвержденного Петром Великим 5 февраля 1722 года, и

В Российском государственном архиве древних актов хранится записка Петра I, датированная 5 января 1708 г., в которой царь дает следующее распоряжение: «Ежели что мне случится волею Божиею, тогда три тысячи рублеф, которыя ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василефьской и з девочьюю» (Переписка Петра I и Екатерины Алексеевны // Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004. С. 170).

¹⁵ См.: Законодательство Екатерины II и Петра II. С. 76–136.

¹⁶ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 5070. С. 788–791.

тестамент его супруги, подписанного «собственною Ее Величества рукою».

Смерть императрицы Екатерины I наступила в 9 часу вечера 6 мая 1727 года. Высшие чины империи, находившиеся в это время в ее резиденции, восприняли данное событие вполне спокойно. Побыв недолго в царском дворце, они разъехались по домам. А утром снова прибыли сюда. Около 9 часов секретарь Верховного Тайного Совета действительный статский советник Василий Степанов начал читать переданный ему князем Меншиковым тестамент Екатерины I собравшимся в зале членам Верховного Тайного Совета, Духовного Синода, Высокого Сената и генералитета, а также присутствовавшим в этом собрании членам царской семьи: великому князю Петру Алексеевичу и его сестре великой княжне Наталье Алексеевне, цесаревнам Анне Петровне и Елизавете Петровне¹⁷. «И по тому тестаменту в 10-м часу принял императорский престол великий князь; и тако тем от Их высочеств и министров поздравлен. И в то же время вышереченное собрание и протчие бывшие тут присягали. Тогда с Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей, и с стоящих против Зимняго дому шнявы и з двух яхт была пушечная стрельба. А Его императорское величество изволил выйтить из зала перед полки лейб-гвардии Преображенской и Семеновской, которые в то время поставлены были вкруг того дворца; и оные полки Его величеству присягали. А в 11-м часу начался в придворной церкви литургия, которую изволили слушать Его императорское величество, Их высочества и господа министры. По окончании литургии изволили ж иттить в свои покои, а Его величество в свой покой, и королевское высочество, и великая княжна, и господа министры к Его величеству и при столе Его величества кушали»¹⁸.

Из этого описания церемонии возведения Петра II на императорский трон, приведенного в «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова», видно, что была она по-будничному

---

¹⁷ См.: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. С. 546–547.

¹⁸ Там же. С. 547.

простой¹⁹. Казалось, право внука Петра I на самодержавную власть никем не подвергалось сомнению, и он стал императором при полной поддержке всех высших чинов государства.

Внимательное чтение текста завещания Екатерины I, опубликованного в «Полном собрании законов Российской империи», разрушает это представление. Его содержание показывает, что восшествие малолетнего великого князя Петра Алексеевича на императорский престол стало результатом компромисса, заключенного между противоборствующими группировками влиятельных сановников. Юридическое оформление данного компромисса и было главной функцией так называемого «тестамент» Екатерины I. Сама императрица и некоторые сановники из ее окружения были заинтересованы в том, чтобы самодержавную власть унаследовала одна из ее дочерей – Анна Петровна или Елизавета Петровна²⁰. Однако многие влиятельные сановники выступали за передачу императорского трона Петру Алексеевичу. На их сторону склонился в конце концов и князь Меншиков, который в свою очередь

---

¹⁹ В описании, данном в «Протоколах Верховного Тайного Совета», церемония восшествия Петра II на императорский престол выглядит еще более обыденной: «После пяти часов утра съехались к Князю Меншикову Члены Совета, Архиепиеи, Генералитет и Сенат. Когда вышли Цесаревны и сам Наследник, тогда Меншиков распечатал завещание Императрицы Екатерины и Степанов прочел оное. В последствии времени подлинное завещание сожжено было Императрицею Анною; все присягнули новому Императору. Пальба была с крепости; полк Преображенский, стоя против Дворца, громко приветствовал его. В тот же день изготовлен был Манифест о вступлении Петра II на престол» (Протоколы Верховного Тайного Совета // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. Июль–сентябрь. С. 46).

²⁰ Секретарь посольства Франции в Санкт-Петербурге Маньян (*Magnan*) сообщал в одной из своих депеш в Париж о том, что «за несколько дней до смерти царица самым положительным образом объявила Меншикову, что желает, чтобы ей наследовала на престоле цесаревна Елизавета» (Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Часть 6. Донесения французского полномочного министра при Русском дворе Кампредона и поверенного в делах Маньяна, 1726 и 1727 г. по 7 мая // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее: Сборник ИРИО). Том 64. СПб., 1888. С. 576). О том, что Екатерина I желала передать самодержавную власть одной из своих дочерей – цесаревне Анне или Елизавете – говорил в беседе с датским послом и князь Меншиков, поясняя при этом, что «ее сознание в это время было не совсем ясным» (цит. по: Брикнер А. Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 9. С. 27).

убедил государыню назначить великого князя наследником императорского престола. Суть компромисса между двумя группами сановников по вопросу о престолонаследии после Екатерины I заключалась в следующем: одиннадцатилетний Петр Алексеевич объявляется новым самодержцем всероссийским, однако фактическая власть сосредотачивается на время его малолетства в регентском совете, в состав которого входят обе цесаревны – Анна и Елизавета, муж Анны – Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштинский и девять членов Верховного Тайного Совета. Данный совет получает правомочие осуществлять «полную власть правительствующего самодержавного государя» за одним исключением: он не может отменять норм о престолонаследии, установленных в завещании Екатерины I. Наследником самодержавной власти в том случае, если Петр II умрет бездетным, становится сначала цесаревна Анна и кто-либо из ее детей, затем цесаревна Елизавета и кто-либо из ее детей, а после нее великая княжна Наталья Алексеевна и кто-либо из ее детей. Император Петр II женится на дочери князя Меншикова. Выражением политического компромисса между противоборствовавшими группировками русской знати были все вообще пункты завещания Екатерины I, но указанные положения составляли ядро этого компромисса. Достигнут он был еще до кончины императрицы. Но вряд ли Ее Величество подписала текст завещания собственной рукою. Саксонский посланник в России Иоганн Лефорт записал в своем дневнике 27 сентября 1727 года: «Поелику принцесса Елизавета подписывала все от имени царицы, герцог Голштинский и Меншиков подали ей и сие завещание, о коем несчастная покойница совершенно ничего не знала»²¹. Президент Тайного совета герцога Шлезвиг-Голштинского Геннинг-Фридрих Бассевич (Бассевиц), отвечая в 1728 году на запрос Верховного Тайного Совета, признавался, что именно он «в самой скорости помянутое завещание сочинил»²². Думается, это признание было искренним: шесть из шестнадцати пунктов тестаменты Екатерины I касались в той иной мере интересов герцога Шлезвиг-Голштинского. Так, он включался в состав регентского совета, его двоюродный брат Карл-

²¹ Цит. по: *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 39.

²² Цит. по: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 128.

Август получал в жены цесаревну Елизавету, Российское государство и великий князь Петр Алексеевич обязывались содействовать возвращению Шлезвига, захваченного Данией во время северной войны, под власть герцога Шлезвиг-Голштинского. Датский посол в России²³ М. Вестфален (*M. Westphalen*) в своей записке королю Дании Фридриху IV, составленной в начале 30-х годов XVIII века, сообщал, что в последние часы жизни Екатерины I Бассевич и Штамбке, советник герцога Шлезвиг-Голштинского, составили немецкий текст завещания, который кто-то из русских сановников начал сразу же переводить на русский язык. Императрица скончалась до завершения этой работы, поэтому цесаревна Елизавета подписывала русский текст завещания после ее смерти, но будто бы «с великой радостью в сердце после того, как прочла статью, разрешавшую ей выйти замуж за князя-епископа Любека». По этой причине Вестфален называл текст духовного завещания, оглашенный на следующий день после кончины Екатерины I, «величайшим подлогом»²⁴. Сообщение датского посла о том, что первоначальный вариант тестаменты был написан на немецком языке, подтверждается свидетельством шведского посланника в России барона Германа Цедеркрейца, который сообщал в одной из своих депеш, что немецкий текст завещания не успели перевести на русский язык до кончины императрицы, а потому в спешке был составлен некий русскоязычный «экстракт», который и подписала Елизавета²⁵. О том, что именно цесаревна Елизавета подписала «набросок завещания» императрицы, сообщал и французский дипломат Маньян²⁶.

Рукопись духовного завещания (тестаменты) Екатерины I, на основе которой был изготовлен печатный текст этого документа, опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи», подписана словом «Екатерина», но почерк этой подписи совершенно аналогичен почерку подписи, которую поставила цесаревна

²³ С февраля 1715 по июнь 1717 г. и с апреля 1721 по 1734 г.

²⁴ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Фонд 11. Оп. 1. № 69. Л. 3.

²⁵ См.: Брикнер А. Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I. С. 28–30.

²⁶ Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Часть 7. Донесения французского поверенного в делах при русском дворе Маньяна (годы с 1727 по 1730), и предписания французского министерства // Сборник ИРИО. Том 75. СПб., 1891. С. 70–71.

Елизавета на протоколе собрания, в котором было оглашено завещание императрицы²⁷. Данный текст действительно изложен в краткой форме и имеет в своем содержании погрешности, которые могли быть результатом большой спешки при его написании.

Так, после первых пунктов, которыми наследником императорского престола со всеми правами и прерогативами, принадлежавшими императрице Екатерине I, провозглашается великий князь Петр Алексеевич, следует пункт, устанавливающий, что до определенного возраста он не имеет права управлять страной. Однако до каких именно лет, не указано: там, где должна стоять цифра, обозначающая их количество, сделан пробел. Одиннадцатый пункт тестамена Екатерины I изложен таким образом, что получается полная бессмысленность: согласно ему, Карл-Август, герцог Шлезвиг-Гольштинский и епископ Любецкий²⁸ берет в жены дочь Петра I Елизавету, и при этом цесаревнам и «правительству администрации» Российской империи поручено постараться женить его еще и на дочери князя Меншикова²⁹. Двенадцатый же пункт в этом документе вовсе отсутствует. 25 мая 1727 года княжна Мария Александровна Меншикова была обручена с императором Петром II. Очевидно, что именно его имя должно было стоять в последнем предложении одиннадцатого пункта. И скорее всего именно его браку с дочерью

---

²⁷ В указанном протоколе говорится о том, что 7 мая 1727 года тестамент ее императорского величества в Верховном Тайном Совете «при присутствии его императорского величества и как духовных, так и свецких слушали и во всем потому исполнять должны и повинны». Этот документ подписан императором Петром II, великой княжной Натальей Алексеевной, герцогом Шлезвиг-Гольштинским Карлом-Фридрихом, цесаревнами Анной и Елисаветой, членами Верховного Тайного Совета, Духовного Синода и представителями генералитета. См.: РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 21. Л. 6-7.

²⁸ Карл-Август, герцог Шлезвиг-Гольштинский и одновременно епископ Любецкий (Karl August von Schleswig-Holstein-Gottorp, 26. 11. 1706–31.05. 1727) приходился двоюродным братом Карлу-Фридриху, герцогу Шлезвиг-Гольштинскому (1700–1739), который являлся супругом старшей дочери Петра I Анны Петровны. Родной же сестрой Карла-Августа была Иоганна Элизабет фон Шлезвиг-Гольштейн-Готторп (1712–1760) – мать российской императрицы Екатерины II.

²⁹ «Принцессу Елизавету имеет Его любовь Герцог Шлейзвиг-Голстинский и Бискуп Любецкий в супружество получить, и даем Ей Наше Матернее благословение; тако же имеют Наши Цесаревны и Правительство Администрации стараться между Его любовью и одною Княжною Князя Меньшикова супружество сочинить».

Меншикова был посвящен отсутствующий пункт завещания Екатерины I.

19 мая 1727 года Геннинг-Фридрих Бассевич обратился к членам Верховного Тайного Совета с просьбой, чтобы «Цесаревнам, Анне и Елисавете, дали две освидетельствованные копии с завещания Императрицы»³⁰. Решение, принятое верховниками в ответ на эту просьбу, не нашло отражения в протоколе данного заседания Совета. Но в конце его была сделана следующая запись: «Пред выходом из собрания духовная Императрицы Екатерины запечатана печатью канцлера и положена в шкатулку, где хранятся государственные печати»³¹.

10 августа 1730 года «завещательное письмо» Екатерины I было передано канцлером Гавриилом Ивановичем Головкиным императрице Анне Иоанновне³². О возвращении же его на прежнее место хранения никакой записи нет. В начале правления Елизаветы Петровны А. И. Остермана спрашивали об этом событии: он отвечал, что не помнит, кто и когда передавал завещание Екатерины I Анне Иоанновне, и совершенно не знает, что сделалось потом с указанным документом. В этой связи весьма любопытным представляется замечание, вставленное в протокол заседания Верховного Тайного Совета, которое состоялось 7 мая 1727 года: «В последствии времени подлинное завещание сожжено было Императрицею Анною»³³. Интересно, какой документ считался автором этого замечания «подлинным» текстом завещания Екатерины I? — Тот, который был зачитан Василием Степановым на следующий день после ее смерти? Или его текст на немецком языке, составленный в последние часы ее жизни?

---

³⁰ Протоколы Верховного Тайного Совета. С. 47.

³¹ Там же.

³² Об этом свидетельствует запись, сделанная Г. И. Головкиным на последнем листе одной из копий тестаменты Екатерины I, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов: «1730 августа 9 день в воскресенье в Ызмайлове ее величество государыня императрица изволила мне приказать, чтоб прислать завещательное письмо императрицы Екатерины Алексеевны с Васильем Степановым, и то письмо назафтрея 10 числа послал я в Ызмайлово к ее императорскому величеству с Васильем Степановым, запечатав, и он, отвесчи, мне сказал, что он вручил самой ей, государыне, то письмо» (РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 21. Л. 14).

³³ Протоколы Верховного Тайного Совета. С. 46.

Елизавета Петровна после того, стала императрицей, предприняла попытку найти подлинный вариант духовного завещания своей матери. В самом конце августа 1741 года государыне передали текст этого документа, хранившийся в Коллегии иностранных дел, но Елизавета, ознакомившись с ним, продолжила поиски подлинника завещания Екатерины I. Отсюда очевидно, что она не считала сохранившийся и впоследствии напечатанный М. М. Сперанским в «Полном собрании законов Российской империи» текст екатерининского тестаменты подлинным. Таковым был вероятней всего текст этого документа, написанный на немецком языке.

Существование подобного текста подтверждается многими фактами. Так, немецкий вариант духовного завещания Екатерины I упомянут в «реестре писем и бумаг» А. И. Остермана и Г. И. Головкина, составленном в Коллегии иностранных дел³⁴. Более того, в 1727 году текст завещания императрицы, изложенный на немецком языке, был напечатан в Стокгольме под наименованием «Testament ihro kaysrl. Majestat Catharina Alexiejowna selbthalterin von Russland»³⁵. Любопытно, что в нем был указан конкретный возраст, до которого Петр II «не имеет за юностью в Правительство вступать», – 16 лет, и приведен двенадцатый пункт, пропущенный в тексте завещания Екатерины I, опубликованном в «Полном собрании законов Российской империи»: содержание данного пункта посвящено браку императора Петра II с дочерью князя Меншикова. Все это заставляет думать, что настоящая история создания документа, обозначенного как «Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I», намного сложнее той, которая рисуется в записках современников и в трудах историков. Тот факт, что «Тестамент ее императорского Величества Екатерины Алексеевны, самодержицы России» был напечатан в Швеции, наводит на мысль о том, что создавался он не только для урегулирования проблемы престолонаследия внутри Российской империи: этот документ должен был одновременно выразить внешнеполитические притязания герцога Шлезвиг-Гольштинского. Если взглянуть на него с этой точки зрения, то

³⁴ РГАДА. Фонд 1261. Оп. 1. № 388. Л. 1 об.

³⁵ Один из экземпляров данного текста завещания Екатерины I, самодержицы российской, хранится в Российском государственном архиве древних актов. См.: РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 22. Л. 1–10.

становится очевидным, что статьи с тринадцатой по пятнадцатую³⁶ были не придатком к другим статьям, но составляли главное в его содержании.

Значение документа, названного «тестаментом» Екатерины I, выходило за рамки обыкновенного завещательного распоряжения о престолонаследии и по другой причине. В нем определялся не только ее преемник на императорском престоле, но и порядок наследования самодержавной власти после него – в случае, если Петр II умрет бездетным. Тем самым явно нарушался Устав Петра I от 5 февраля 1722 года «О праве наследия престолом». По смыслу статей этого Устава, правящий император мог назначить наследника только себе и не мог определять за последующих самодержцев, кто станет их наследником. В свете этого выглядит вполне закономерным появление 26 июля 1727 года Именного, состоявшегося в Верховном Тайном Совете указа «Об отобрании Манифестов, выданных в бывшей розыскной канцелярии». «Его Величество указал, – говорилось в этом узаконении, – выданные в народ в прошлых годах Манифесты, которые опубликованы по делам, бывших в Розыскной Канцелярии, под ведением Петра Толстого, где оные ныне налицо есть, також и те, которые разосланы были и в Коллегии, и Канцелярии, и в Губернии по городам и по церквам, все собрать в одно место, а именно: в Санктпетербурге, и ближних сюда Губерний в Сенат, а в Москве и прочих ближних к ней Губерний в Сенатскую Контору, чтоб впредь

---

³⁶ «13. Его Королевского Высочества Герцога Голстинского дело Шлейзвицкого возвращения, и дело Шведской короны по взятым обязательствам, имеет накрепко исполнено и Российское Государство, так как и Великий Князь к тому обязаны быть; что же Его Королевское Высочество Герцог здесь по се число получал, не имеет никогда назад требовано или на счет поставлено быть.

14. Все сие имеет тотчас по смерти Нашей, кроме что до пункта Его Королевскому Высочеству праведно принадлежащей сукцессии и Швеции касается, опубликовано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противен будет, яко изменник наказан быть, и Римского Цесаря гарантии на сие искать.

15. Фамилия, между собою, имеет под опасением Нашей Матерней клятвы согласно жить и пребывать и Великому Князю Голстинского Дому, пока Нашей Цесаревны потомство оным владеть будет, не оставлять, но по получении совершенного возраста, чего еще не достанет, исполнять. Напротив того и Голотинский Дом и Его Королевское Высочество, когда Герцог Шведский престол получит, тоже с Россией чинить имеет».

ни в которых Коллегиях и Канцеляриях, також и в городах по Канцеляриям же и по церквам, оных отнюдь не было и не читали.

А которые всяких чинов люди такие Манифесты в домах своих имеют, тем приносить и отдавать в Санктпетербурге в Сенат, а в Москве — в Сенатскую контору; а которые живут в других городах и уездах, тем отдавать каждому в своем городе Губернаторам или Воеводам, которые у них принимать с записками, а им, Губернаторам и Воеводам, оные присылать в Москву, в Сенатскую Контору; и впредь никому тех Манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать. А кто, имея у себя те Манифесты в домах и не объявит, или из Коллегий или Канцелярий собрав, в те места не отдадут: за то те люди отданы будут к суду. А в которых годах и месяцах, и числах те Манифесты печатаны и в народ выданы, тому при сем указе сообщена роспись»³⁷. В росписи назывались в числе узаконений, подлежащих изъятию и, следовательно, фактически отмененных, Манифест от 3 февраля 1718 года «Об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича» и Устав от 5 февраля 1722 года.

Юридическая сила петровского Устава «О праве наследия престола» будет восстановлена Манифестом императрицы Анны Иоанновны «Об учении присяги в верности Наследнику Всероссийского престола, который от Ее Императорского Величества будет назначен», принятым 17 декабря 1731 года³⁸.

В ночь с 18 на 19 января 1730 года умер молодой российский император Петр II. Прожил он четырнадцать лет три месяца и шесть дней, а царствовал два года восемь месяцев двенадцать дней. Согласно Уставу «О праве наследия престолом», который был принят Петром I 5 февраля 1722 года, императорский престол должен был перейти после смерти государя к тому, кого он определил в качестве своего наследника. Однако Петр II никакого завещательного распоряжения о том, кому передать после него императорскую власть, не оставил.

³⁷ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 5131. С. 831–832.

³⁸ 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5909. С. 601–603. См. полный текст Манифеста от 17 декабря 1731 г. в издании: Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 99–101.

Члены же Верховного Тайного совета при решении проблемы престолонаследия совершенно игнорировали завещание (тестament) императрицы Екатерины I, определявшее наследников императорской власти по смерти Петра II. Конечно, закон является, как правило, довольно слабым аргументом в ситуациях, когда решается вопрос о том, кому будет принадлежать высшая государственная власть. Однако следует признать, что верховники имели серьезное основание не принимать во внимание распоряжения Екатерины II о переходе престола после смерти ее наследника. Принятый Петром I Устав «О праве наследия престолом» наделял правомочием определять, кому передать императорскую власть всех последующих российских самодержцев. А отсюда вытекало, что **каждый правительствующий государь может передавать по наследству только свою собственную власть, но не власть своего наследника или какого-либо другого императора, правящего после него.** В соответствии с этим законодательным актом юридически обязательным для исполнения было только завещательное распоряжение Екатерины I о назначении наследником великого князя Петра Алексеевича, поскольку он наследовал престол непосредственно за ней. Определяя порядок перехода императорской власти от Петра II к своим дочерям, Екатерина I *предпринимала попытку передать то, что ей не принадлежало.* Поэтому в действительности ее дочь Елизавета Петровна в результате смерти Петра II никаких законных прав на императорский престол не получила. Данный престол, если строго следовать смыслу Устава от 5 февраля 1722 года, оказался **свободным.**

Иная ситуация сложилась после смерти императрицы Анны Иоанновны, последовавшей 17 октября 1740 года. За двенадцать дней до своей кончины, 5 октября, ее величество подписала сочиненный графом Остерманом Манифест о престолонаследии. «Назначиваем и определяем после Нас в законные наследники Нашего Всероссийского Императорского Престола и Империи, — заявляла Анна Иоанновна в этом документе, — Нашего Любезнейшего Внука благоверного Принца Иоанна рожденного от родной Нашей Племянницы ее Высочества Благоверной Государыни Принцессы Анны в супружестве с Светлейшим Принцом Антоном Улрихом Герцогом Брауншвейг-Люнебургским, которому Нашему любезному внуку Мы титул

Великого князя всея России всемилостивейше от сего времени пожаловали. А ежели Божеским соизволением оный Любезный Наш Внук Благоверный Великий князь Иоанн прежде возраста своего и не оставя по себе законно рожденных наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники первого по нем Принца брата его от вышеозначенной Нашей Любезнейшей Племянницы ее Высочества Благоверной Государыни Принцессы Анны, и от Светлейшего Принца Антона Улриха Герцога Брауншвейг-Люнебургского раждаемого, а в случае и его преставления других законных из того же супружества раждаемых Принцов всегда первого таким порядком как выше сего установлено»³⁹. На следующий день после подписания, то есть 6 октября 1740 года, текст Манифеста Анны Иоанновны о престолонаследии был напечатан в сенатской типографии.

Упоминая об этом документе в своем Манифесте от 28 ноября 1741 года, императрица Елизавета Петровна утверждала, что была лишена им «законнонаследного» престола. Но Анна Иоанновна имела юридическое основание для того, чтобы игнорировать при назначении наследника императорского трона дочь Петра I и передать его другому лицу. Устав о престолонаследии от 5 февраля 1722 года устанавливал, что в воле правительствующего государя отдать императорскую власть тому, кому он желает ее оставить, и лишить права ее наследовать даже того, кому оно ранее было предоставлено. Манифест от 5 октября 1741 года ссылался на этот Устав, указывая, что согласно ему, «всегда в Высокой воли и соизволении Правительствующих Государей Всероссийского Самодержавного Престола состоит: кого похотят по себе учинить наследником»⁴⁰.

Однако, следуя в данном случае *букве* петровского Устава «О праве наследия престолом», Анна Иоанновна нарушала его *дух*. Основное правило данного Устава, гласившее, что «всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит

---

³⁹ Манифест, сочиненный графом Остерманом о назначении императрицею Анною принца Иоанна наследником русского престола // Законодательство Анны Иоанновны. С. 232–233. Данный манифест отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи».

⁴⁰ Законодательство Анны Иоанновны. С. 233.

наследство», было введено Петром I для того, чтобы обеспечить передачу императорского престола **достойному наследнику** — человеку, способному успешно управлять государством. Анна Иоанновна определяла своим наследником двухмесячного младенца, то есть по сути **никому императорский престол не передавала**.

Согласно завещанию Анны Иоанновны, оглашенному и напечатанному после ее смерти, на время малолетства Иоанна Антоновича, а именно до возраста его семнадцати лет, назначался регент — Эрнст Иоанн, владеющий светлейший герцог Курляндский, Лифляндский и Семигалский. Анна Иоанновна давала ему на время регентства «полную мочь и власть управлять» всеми государственными делами, как внутренними, так и иностранными и сверх того заключать договоры с иностранными державами в пользу Российской империи⁴¹. Но если младенец Иоанн Антонович не мог, в соответствии с духом Устава о престолонаследии от 5 февраля 1722 года, занять императорский престол, то следовательно, и Эрнст Иоанн Бирон не мог стать законным регентом. Впрочем, регентом он считался менее месяца — 9 ноября родители Иоанна Антоновича с помощью фельдмаршала Б. Х. Миниха лишили Бирона этого звания. Правительницей Российской империи стала принцесса Анна Леопольдовна. Став императрицей, Елизавета Петровна утвердила доклад Сената, в котором было предложено именовать период регентства Э. И. Бирона «правлением бывшего герцога Курляндского», а период, когда у власти находилась мать Иоанна Антоновича — «правлением принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской»⁴².

Оценивая государственную деятельность императрицы Анны Иоанновны, регента Бирона и правительницы Анны Леопольдовны, историк Е. В. Анисимов пишет: «Представление о том, что в стране в конце 1730 — начале 1740-х годов царил свирепый режим иностранных поработителей, ошибочно. Ни Анна Ивановна, ни ее фаворит Бирон, ни сменившая их у власти Брауншвейгская фамилия не вели политики, которая наносила бы ущерб национальным, а тем

---

⁴¹ Там же. С. 236.

⁴² Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 12.

более имперским интересам России»⁴³. Думается, это слишком поверхностная оценка. Конечно, нельзя характеризовать правление этих лиц как «свирепый режим иностранных поработителей», но и говорить о том, что они не вели политики, наносившей ущерб национальным интересам России, невозможно.

Ущербной для русских интересов была экономическая политика Анны Иоанновны. В качестве примера можно привести историю с разграблением успешно работавших государственных горных заводов на Урале. Опираясь на поддержку императрицы, Э. И. Бирон и его поделщик К. А. Шёмберг в 1739 году изъяли их из государственной собственности, то есть приватизировали. За два года распоряжения этими заводами они похитили более 400 000 рублей государственных денег. Данный факт был впоследствии официально признан актами Сената⁴⁴. Но еще более пагубной для интересов Русского государства являлась политика Анны Иоанновны, Э. И. Бирона и Брауншвейгской семьи относительно престолонаследия. Е. В. Анисимов почему-то не принимает во внимание этот факт, хотя и признает, что Анна Иоанновна творила здесь полное беззаконие и вела себя, не соблюдая элементарных приличий. Так, по его словам, императрица «в 1731 году приняла закон о престолонаследии, согласно которому трон отходил к сыну ее племянницы Елизаветы-Екатерины-Христины, которого та еще только должна была когда-нибудь родить в браке с каким-либо принцем благородной крови. Это было очень странное, просто уникальное высочайшее распоряжение. Оно вызвало удивление даже у выдавших виды русских людей. В обществе недоумевали: “Кто же может поручиться, что в этом будущем браке будут дети и что непременно родится мальчик, которому предназначен русский престол?”»⁴⁵. Очевидно, что этот «закон» был в действительности выражением беззакония: он противоречил и букве, и духу петровского Устава 1722 года «О праве наследия престолом» и тем самым серьезно подрывал государственные устои, поскольку в монархическом государстве законный и разумный порядок

⁴³ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 22.

⁴⁴ Краткая история этой грандиозной для того времени аферы описана мною в биографическом очерке, посвященном В. Н. Татищеву. См. об этом: Томсинов В. А. Российские правоведа XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 23–34.

⁴⁵ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. С. 13.

престолонаследия всегда составляет одну из главных несущих конструкций государственной власти.

Опасным для судьбы Русского государства был Манифест от 5 октября 1740 года, определявший наследником российского императорского престола двухмесячного младенца. Угрожало внутренними потрясениями и наделение Э. И. Бирона, герцога Курляндского, правами регента и верховного управляющего Российской империей. Захват же верховной власти в России Брауншвейгской семьей еще более разрушал государственный порядок, поскольку никаких законных полномочий на управление Российской империей Анна Леопольдовна не имела. Как можно, зная о таких фактах, говорить о том, что «ни Анна Ивановна, ни ее фаворит Бирон, ни сменившая их у власти Брауншвейгская фамилия не вели политики, которая наносила бы ущерб национальным, а тем более имперским интересам России»?

Елизавета Петровна не была идеальной императрицей и в большей степени заботилась о собственных интересах, нежели о государственных, но она хорошо понимала значение для Российской империи устойчивого порядка престолонаследия и наличия достойного наследника. При этом она хорошо понимала, что свобода выбора правящим государем какого-либо лица на эту роль, установленная Уставом 1722 года, не распространяется настолько, чтобы он мог назначить наследником любого, кого захочет. Эта свобода выбора ограничивается рамками Императорской фамилии – кругом ближайших родственников императора. Именно поэтому Елизавета назначила наследником своего племянника, сына своей покойной сестры цесаревны Анны Петровны, владетельного герцога Шлезвиг-Гольштинского Петра. В высочайшем Манифесте от 7 ноября 1742 года, оформившем это назначение, было прямо заявлено, что он определяется наследником как лицо, ближайшее к императрице **по крови**⁴⁶. Таким образом, Елизавета Петровна ясно выразила намерение придерживаться традиционного для русской монархии порядка наследования престола.

---

⁴⁶ См.: Манифест от 7 ноября 1742 года «О назначении Его Королевского Высочества Петра, Владетельного Герцога Шлезвиг-Гольштинского, наследником Престола Российского Государства, с титулом Императорского Высочества» // Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 16.